

Тазетдинова Мадина Равилевна

"ЗАПОВЕДИ ДЛЯ ДЕТСКИХ ПОЭТОВ" К. И. ЧУКОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИИ РУБЕЖА 1920-1930-Х ГОДОВ

Рассматривается литературный контекст, в котором была написана статья К. И. Чуковского "Заповеди для детских поэтов". Вошедшая в содержание книги "От двух до пяти" в качестве руководства для детских писателей, статья изначально появилась в ходе острой полемики о развитии детской литературы. Прослеживается история создания статьи: от выступления К. И. Чуковского в Госиздате до включения статьи в книгу "От двух до пяти". Анализируется контекст, в котором статья появляется в печати. Статья "Заповеди для детских поэтов" рассматривается как средство участия К. И. Чуковского в дискуссии на правах критика, а также теоретическая основа для сказок, находившихся под запретом.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 65-67. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список источников

1. **Алябьева Л. А.** Литературная профессия в Англии в XVI-XIX вв. М.: НЛО, 2004. 400 с.
2. **Ауэрбах Э.** Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе. М. – СПб.: Университетская книга, 2000. 560 с.
3. **Бальзак О. де.** Собрание сочинений: в 24-х т. / пер. с фр. Ю. Верховского. М.: Правда, 1960.
4. **Басин Е. Я.** Искусство и личностный магнетизм: антология. М.: Слово, 2013. 195 с.
5. **Карельский А. В.** Метаморфозы Орфея. Беседы по истории западных литератур. М.: РГГУ, 1998. Вып. 1. Французская литература XIX века. 279 с.
6. **Моруа А.** Прометей, или Жизнь Бальзака / пер. с фр. Я. Лесюка, Н. Немчиновой. Киев: Вища школа, 1986. 525 с.
7. **Обломиевский Д. Д.** Бальзак. Этапы творческого пути. М.: ГИХЛ, 1961. 590 с.
8. **Рензов Б. Г.** Французский роман XIX в. М.: Высшая школа, 1977. 313 с.
9. **Сафронова Е. Ю.** Проблема правового жизнетекста Ф. М. Достоевского: дело с П. А. Карепиным // Культура и текст. 2016. № 3 (26). С. 29-43.
10. **Скуратовская А. П.** Дендизм у Бальзака: персонажи и ситуации: дисс. ... к. филол. н. М., 2002. 234 с.
11. **Цвейг С.** Бальзак / пер. с нем. А. Голембы. М.: Молодая Гвардия, 1963. 496 с.
12. **Цвейг С.** Три мастера: Бальзак, Диккенс, Достоевский / пер. с нем. Л. Копелева. М.: Республика; Ээсти раамат, 1992. 286 с.

**THE NOVEL “EUGÉNIE GRANDET”:
HONORÉ DE BALZAC’S CREATIVE LIFE AND MYTHMAKING**

Stenina Viktoriya Fedorovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Polzunov Altai State Technical University, Barnaul
steninavf@rambler.ru

The article deals with Honoré de Balzac’s artistic world in the context of the theory of permeability of the boundaries of literary and biographical texts, where the writer’s works, on the one hand, represent the life circumstances, and on the other hand, they are a part of the author’s myth. “The human comedy” is presented by the author of the article as the text of the author’s myth created by Balzac. The novel “Eugénie Grandet” is studied in the aspect of the writer’s life-creating strategy, which is revealed on the personage and plot-composition levels of the text. In the work the proposition that the characters of the novel are an artistic sublimation of the writer in a constant conflict of desires and possibilities is substantiated.

Key words and phrases: Honoré de Balzac; novel “Eugénie Grandet”; realism; creative strategies; poetics of the text; creative life; mythmaking.

УДК 82-95

Рассматривается литературный контекст, в котором была написана статья К. И. Чуковского «Заповеди для детских поэтов». Вошедшая в содержание книги «От двух до пяти» в качестве руководства для детских писателей, статья изначально появилась в ходе острой полемики о развитии детской литературы. Прослеживается история создания статьи: от выступления К. И. Чуковского в Госиздате до включения статьи в книгу «От двух до пяти». Анализируется контекст, в котором статья появляется в печати. Статья «Заповеди для детских поэтов» рассматривается как средство участия К. И. Чуковского в дискуссии на правах критика, а также теоретическая основа для сказок, находившихся под запретом.

Ключевые слова и фразы: К. И. Чуковский; русская литература 1920-30-х годов; детская литература; детская поэзия; критика детской литературы.

Тазетдинова Мадина Равилевна

Московский педагогический государственный университет
lingve@gmail.com

**«ЗАПОВЕДИ ДЛЯ ДЕТСКИХ ПОЭТОВ» К. И. ЧУКОВСКОГО
В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИИ РУБЕЖА 1920-1930-Х ГОДОВ**

Глава «Заповеди для детских поэтов», завершающая книгу К. И. Чуковского «От двух до пяти», давно воспринимается как неперемное руководство для детских поэтов. Однако изначально «заповеди» не были непреложными, напротив, они носили дискуссионный характер.

Впервые «Тринадцать заповедей для детского автора» прозвучали в докладе Чуковского «О технике писания детских стихов» в детском отделе Госиздата. Впечатления от доклада Чуковский передал в заметке, датированной январем 1929 г., которая, судя по стилю, готовилась к публикации, но в печать не вышла. Цель доклада обозначена в заметке определенно: начать дискуссию, в ходе которой сообща «составить нечто вроде руководства для будущих комиссий по детской книге, чтобы дать им более точные и объективные критерии при оценке стихов для дошкольника (курсив автора. – М. Т.)» [7, с. 622-623]. Сам Чуковский назвал свой доклад «лишь введением в общую нашу беседу» [Там же, с. 623].

Вопреки замыслу Чуковского, дискуссия возникла по совершенно другому поводу: «всякому наперед было ясно, что в нем (докладе. – М. Т.) будет говорено лишь о технике. Между тем, чуть я кончил, меня со второго же слова спросили: “А как же тема?” – “А что же тема?” – “Почему ты не сказал о теме?” – “Какая тема должна быть у детских стихов?” Как будто мы все уже отлично владеем поэтической формой, и теперь нам только темы не хватает» [Там же]. Иначе говоря, обнаружился острый конфликт между техникой и темой, восходивший к более широкой дискуссии о форме и содержании, в которую были вовлечены писатели, критики и филологи. При этом для Чуковского было очевидно, что в детской поэзии тема следует за техникой, что сама форма содержательна, что противоречило установкам Наркомпроса в период, когда «содержание выиграло гражданскую войну с формой» [5, с. 88].

К концу 1920-х гг. критика детской литературы переживала «партийно-литературный» этап [2, с. 387]. В 1926 г. на заседании коллегии Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР (ГУС) были сформулированы «Основные требования к детской книжке», опубликованные годом позже в журнале ГУСа «На путях к новой школе» [3]. Официальные критерии упрощали рецензентам задачу по оценке и рекомендации новых произведений, рекомендательная критика могла непосредственно влиять на судьбу произведений в печати и системе распространения.

Таким образом, «Тринадцать заповедей для детских поэтов» возникли в ходе острой полемики вокруг детской книги. По сути, это было выражение авторского протеста против «Основных требований к детской книжке», облеченное в форму приглашения к совместному обсуждению требований эстетических. Определение «заповеди» было дано с некоторой долей иронии: «потому, что основная природа всех заповедей издревле заключается в том, что их нарушение не только возможно, но почти обязательно» [9, с. 13].

Вскоре после доклада в ГИЗе «Тринадцать заповедей для детских поэтов» были опубликованы в бюллетене «Книга детям» [9]. Выпускаемый Комиссией ГУСа под редакцией ученого секретаря ГУСа Л. Р. Менжинской бюллетень был призван «выработать единый принцип отбора литературы, единые критерии ее оценки» [4, с. 48], но при этом отличался «большим идеологизмом и тоном наступательной борьбы» в сравнении с закрытым в 1928 г. бюллетенем «Новые детские книги» (орган Института методов внешкольной работы) [1, с. 27]. Годом ранее там же вышла статья Н. К. Крупской «О Крокодиле» (№ 2 (февраль) 1928). Продублированная в «Правде» (№ 27 от 1 февраля 1928 г.) статья, в позднейшей оценке Е. Ц. Чуковской, «представляла собой не литературную рецензию, но руководящую директиву, за которой немедленно последовали запреты на издание сказок» [6, с. 60]. После статьи Крупской в №№ 2-6 выходили пространные «Тезисы об антропоморфизме» Е. А. Флериной, А. К. Покровской, Н. В. Касаткиной и др. Они появились на фоне продолжавшейся еще с декабря 1927 года «борьбы со сказкой» и, в частности, с «чуковщиной».

«Тринадцать заповедей...» получили редакционный подзаголовок «в порядке обсуждения», что явно снижало статус публикации. Появление «заповедей» в недружественном для Чуковского издании подчеркивает их дискуссионный характер.

Стиль «заповедей» напоминает критику Чуковского 1910-х гг., с ее гротескной экспрессивностью: «И больно читать ту свирепую строку, которую сочинила недавно поэтесса: Ах, почаше б с шоколадом!.. Нужно зверски ненавидеть ребят, чтобы предлагать им эти языколомные “щербсши”» [9, с. 15]. «Жестким, шершавым», «свирепым», «корявым» стихам современных «сочинителей» критик противопоставляет образцы детского речевого и поэтического творчества, которые, по его мнению, имеют «колоссальное превосходство» [Там же].

Заголовок статьи, также в духе ранней критики Чуковского, образен и парадоксален¹, в нем содержится нетипичный образ, ассоциируемый с библейским сюжетом: десятью заповедями Моисеевыми. При этом применительно к детскому автору значение понятия «заповеди» снижается, а число тринадцать травестирует библейскую аллюзию. Если вспомнить, что в народной духовной культуре число тринадцать связывается с нечистой силой («чертова дюжина»), то «тринадцать заповедей», с одной стороны, звучат как оксюморон, а с другой стороны, напоминают мысль Чуковского о том, что критик «вправе быть по мере надобности – и социологом, и эстетом, и импрессионистом, и формалистом, и психологом, и чертом, и дьяволом» [8, с. 67]. Не исключено, что таким заголовком Чуковский также пародировал требования, постановления и критерии, предъявляемые авторам, пишущим для детей.

Чуковский критически высказывался в «заповедях» также и о себе как авторе. Многие из положений статьи он иллюстрирует примерами из собственных сказок. Собственно, «заповеди» сложены на основе практических опытов, т.е. сказок, написанных, в свою очередь, с учетом детского восприятия языка и поэзии. «Заповеди» теоретически оправдывали широкое распространение сказок, их огромный успех у детей, раздражавший педологов. Несколько раз Чуковский обращается к своей самой проблемной сказке, в том числе критически: «В моем “Крокодиле” хуже всего доходит до детей та страница, где я, пародируя Лермонтова, заставляю Крокодила произносить длинную речь о страдании зверей... так как эта страница почти не апеллирует к зрению ребят и слишком долго удерживает их внимание на одном эпизоде» [9, с. 13]. Отметим, что в приведенном фрагменте Чуковский обращается к эпизоду, известному редакции и читателям бюллетеня по статье Крупской, где он подробно процитирован и интерпретирован как пародия на Некрасова. Таким образом, Чуковский вскользь приводит контраргумент, признавая над собой критику только по собственным «заповедям».

¹ Критические статьи Чуковского нередко носили экспрессивные образные заглавия, соответствующие его творческой манере и привлекавшие внимание читателя. Ср., например: «Веселое кладбище» (1909), «Жеваная резинка» (1909), «Юмор обреченных» (1910).

В период, когда сказки были на грани запрета и гусовские критики единогласно продолжали линию, начатую Крупской, не хватало критика-«адвоката», который аргументированно выступил бы в защиту писателя. В «заповедях» Чуковский выступает одновременно автором и собственным критиком. Вероятно, отчасти для того, чтобы сменить направление безвыходной для себя дискуссии о содержании сказок, он сделал темой своей статьи форму произведений для детей.

В заметке о докладе в детском отделении ГИЗа Чуковский даёт собственное определение «чуковщины» как «в первую очередь, любовного и пристального изучения детей» и иллюстрирует этот принцип собственным примером: «Я хорошо понимаю, что многие мои приемы и темы исчерпаны, что мне нужно либо замолчать, либо начать какую-то новую литературную линию. Какую? Это для меня ясно вполне. К своему великому счастью, я теперь столкнулся с новым для меня миром детей, который до последнего времени был мне почти неизвестен. Это дети ленинградских рабочих, собранные в Очагах на окраинах. Я сейчас пишу о них книгу... Я думаю, что только таким путем, путем органического слияния автора с данной социальной средой, может возникнуть художественная и в то же время идеологически ценная книга» [7, с. 624]. Очевидно, здесь Чуковский имеет в виду книгу «Маленькие дети», четыре года спустя переизданную под названием «От двух до пяти» (1933).

В содержание книги отдельной главой вошли «Заповеди для детских поэтов»: их по-прежнему осталось тринадцать, но нумерации уже не придавалось явного значения. Текст «заповедей» практически не изменился, однако вступительное слово, смягчавшее их императивный тон, перенесено в заключение главы, в менее акцентированную позицию. В собственном сборнике Чуковский обладал большей свободой высказывания, чем во враждебном ему бюллетене, и с течением времени «заповеди» приобретали более обязательный статус. В изданиях 1933 и 1935 гг. они публиковались вместе со сказками, которые в данном контексте выступали примером практической реализации теоретических положений. В изданиях книги 1936-1939 гг. за главой о «заповедях» следовало приложение, в которое входили статьи разных лет, объединенные критическим подходом к современной автору детской литературе с целью выявить основные несовершенства формы: «Лидия Чарская» (1912), «За полноценную детскую книгу» (1935), «Как не следует писать для детей» (1935). Последняя статья была напечатана на основе доклада Чуковского на I съезде Союза писателей, где Чуковский выступал с трибуны со всей категоричностью критика, обладающего четкими критериями оценки современной поэзии для детей.

Таким образом, «Заповеди для детских поэтов» появились как дискуссионная статья в эпицентре острой полемики о развитии детской литературы. Изначальной их целью было развить новую ветвь обсуждения. Для Чуковского они стали средством участия в дискуссии на правах критика, а также теоретической базой для сказок, находившихся под запретом. Лишь со временем «Заповеди» стали прямым руководством авторам, пишущим для детей, которое не утратило актуальности и в современной литературе.

Список источников

1. Арзамасцева И. Н. Подвижники детского чтения // Детские чтения. 2012. Т. 1. № 1. С. 12-42.
2. Маслинская С. Г. Нужен ли детский писатель? (к истории становления советской детской литературы) // Детские чтения. 2014. Т. 6. № 2. С. 381-398.
3. К вопросу об оценке детской книжки // На путях к новой школе: орган научно-педагогической секции Государственного ученого совета. М.: Работник просвещения, 1927. № 1 (январь). С. 30-33.
4. Путилова Е. О. Очерки по истории критики советской детской литературы, 1917-1941. М.: Дет. лит., 1982. 175 с.
5. Фещенко В. В. Форма и содержание как война и мир в русской философии языка XIX-XX веков // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 77-92.
6. Чуковская Е. Ц. «Чукоккала» и около: статьи, интервью. М.: Русский Мир; Жизнь и мысль, 2014. 480 с.
7. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. Изд. 2-е, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 2. От двух до пяти; Литература и школа: статья; Серебряный герб: повесть; Приложение. 640 с.
8. Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15-ти т. Изд. 2-е, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 15. Письма (1926-1969). 866 с.
9. Чуковский К. И. Тринадцать заповедей для детских поэтов // Книга детям. 1929. № 2. С. 13-19.

“COMMANDMENTS FOR CHILDREN’S POETS” BY K. I. CHUKOVSKY IN THE CONTEXT OF THE LITERARY DISCUSSION AT THE TURN OF THE 1920S-1930S

Tazetdinova Madina Ravilevna
Moscow State University of Education
lingve@gmail.com

The paper considers the literary context in which K. I. Chukovsky’s article “Commandments for children’s poets” was written. Included in the content of the book “From two to five” as a guide for children’s writers, the article originally appeared in the course of acute polemics about the development of children’s literature. The history of the article creation is traced: from K. I. Chukovsky’s speech at the State Publishing House to the inclusion of the article in the book “From two to five”. The context in which the article appears in print is analyzed. The article “Commandments for children’s poets” is regarded as a means of Chukovsky’s participation in the discussion as a critic, as well as the theoretical basis for fairy tales that were under prohibition.

Key words and phrases: K. I. Chukovsky; Russian literature of the 1920-30s; children’s literature; children’s poetry; criticism of children’s literature.